человека, сумевшего различить истоки зла, узреть их социальные или политические причины и восстать против них.

L'homme révolté — в различных своих модификациях — во многих романах североафриканских писателей постепенно приобретал черты человека новой эпохи, которые складывались в целом в «портрет деколонизованного», ставший своего рода обобщенным художественным завершением той галереи «Портретов», которую создал тунисец А. Мемми, также, несомненно, написавший свой «ответ» на «Бунтующего человека» А. Камю[1].

Практически для всех создателей образов «бунтарей» в литературе Магриба было ясно, что их бунт — это несколько иная «историческая действительность», отличная от той, какой видел ее А. Камю, считая, что сама история — это и есть «вечное несмирение человека». Социальные, а не метафизические корни этого несмирения — вот что было главным для магрибинцев, а потому в их книгах звучали требования социального прогресса и справедливости. Их герой-бунтарь, даже приходя к драматическому финалу, тем не менее изначально не верит в обреченность своего бунта. Вот почему естественным завершением «взрыва сознания» личности, ее восстания против несправедливости общественного и политического порядка, против исторической несправедливости стало появление нового героя, сознательного и отважного борца за дело народа, образ которого возникает, например, в алжирской литературе, посвященной войне за независимость.

Трансформация концепции «бунтующего человека» в творчестве франкоязычных магрибинцев — один из ярких примеров того, как идеологически переосмысляется позиция художника, наиболее близкого писателям-североафриканцам во всей французской литературе. Близкого во многом и потому, что А. Камю, родом из Алжира, был тесно связан с Магрибом, создав на североафриканской земле почти все основные свои произведения.

Однако именно эта внешняя «связанность» и принадлежность к магрибинской земле определяла и принципы расхождения писателей-автохтонов со своими «земляками»-французами — даже с теми, кто не стоял на позициях проколониалистской литературы, а скорее разделял демократические взгляды и представлял в общем и целом либеральную интеллигенцию колоний. Но и в их понимании географическая среда была главным фактором, лежащим в основе магрибинской специфичности. Национальная же дифференциация писателей-магрибинцев, их идейно-художественная самостоятельность проявлялись прежде всего в неприятии именно чисто «географической» основы североафриканского творчества. Для них важным было отражение в литературе не примет средиземноморского окружения, но выражение интересов народа, испытавшего колониальное угнетение, национальных задач, связанных прежде всего с освобождением земли от колониализма. Вот почему в творчестве писателей — алжирцев, марокканцев и тунисцев — происходят решительный разрыв с традицией географической специфичности и утверждение иных признаков национальной сущности литературы.

Так, можно сказать, возникла полемика с той традицией, из которой «отпочковывалась» современная франкоязычная литература Магриба. École d'Alger, так же, как и другие очаги французской литературы и культуры в странах Северной Африки, вплотную занимавшиеся Магрибом, оказавшись естественным стимулятором для первого поколения писателей-автохтонов, в конечном счете породили новую магрибинскую литературу, решившую дать свой ответ на те вопросы, которые рождала колониальная действительность. Уже творчество первого крупного алжирского прозаика М. Ферауна стало, в сущности, началом этой полеми-

[1] Вопросы, поднятые А. Мемми в его социально-психологическом эссэ «Portrait du colonisé précédé du portrait du colonisateur» [29], выходят за рамки нашего исследования, касающегося собственно художественного творчества магрибинцев.